

**Личность генерала В.И. Лёвенштерна в оценке французского
о военного историка М.-А.Вейля**

Русскому читателю хорошо известны «Записки генерала В.И. Лёвенштерна», напечатанные в «Русской старине» в 1900-1902 гг. (в 1900 г. — №8-12; в 1901 г. — № 1-8, 11, 12; в 1902 г. — № 7), но почти не известны его «Мемуары...», изданные в Париже в 1903 г. по оригинальной рукописи французским военным историком майором М.-А.Вейлем («Mémoires du Général — major russe Baron Löwenstern (1776 – 1858) publiés d'après le manuscrit original et annotés par M. — H. Weil». Tome premier (1776-1812); Tome deuxième (1813-1858), Paris, 1903)

Узнав, что журнал «Русская старина» собирается публиковать «Записки генерала В.И. Лёвенштерна», М.-А. Вейль хотел отказаться от идеи издавать «Мемуары», доставшиеся ему от брата генерала — Жоржа де Лёвенштерна. Но, получив номер журнала за 1900 г. с началом «Записок генерала В.И. Лёвенштерна» и сравнив русский перевод в «Русской старине» с оригиналом на французском языке, «...обнаружил чувствительные отличия, существенные изменения, дополнения и сокращения, которые полностью меняли смысл и последовательность в той рукописи, которую я держал в руках». Еще более укрепили Вейля в его намерении напечатать эти воспоминания письма самого генерала, адресованные единственному из оставшихся в живых его братьев, барону Ж. де Лёвенштерну, бывшему в то время полномочным послом Дании в Вене. Письма были написаны в декабре 1846 г. и январе 1847 г.: «После сорока лет бурной жизни я вот уже одиннадцать лет живу совсем по-другому. Одно и то же жилище, одно и то же средство передвижения. Все относительно в этом мире. Когда летом я должен был ехать за сорок верст в деревню к друзьям, то мне показалось, что я собираюсь в большое путешествие в Бразилию. (В то время брат Лёвенштерна Жорж был посланником Дании в Бразилии. — В.Ц.)

Моим единственным занятием были эти "Мемуары", которые я писал для тебя. Теперь от первоначального плана приходится отказаться. Император узнал о моих намерениях и попросил представить ему мои "Мемуары". Я не смог послать их ему в том виде, в каком писал прежде. Я работал полтора года, чтобы сделать их немного более удобоваримыми и придать им более подходящую форму. Я слишком стар, чтобы переписывать все вторично, и могу послать тебе только первый набросок, полный помарок и исправлений, в общем совершенный хаос. Но этот набросок имеет хотя бы то преимущество, что в нем изображена правда без прикрас, порой резкая и неприглаженная. Пусть эти бумаги лежат у тебя на моем старом шкафу до тех пор, пока архивы не откроют для всех любопытных. И тогда ты будешь иметь истинное выражение моих мыслей, равно как и полный контроль над этими документами».

Всего месяц спустя, 20 января 1847 г., он вновь писал своему брату: «Пусть продолжат другие, я со своей стороны сделал достаточно. Я рассказал о том, что видел и пережил. Я описал жизнь общества и политические потрясения, которые, представляя особый интерес для нас, связаны и с жизнью Европы этого периода».

Эти письма к брату Лёвенштерна окрылили М.-А.Вейля и укрепили его убеждение в том, что он предлагает своим читателям тот самый первый набросок «Мемуаров...», который, по мысли его автора, выражает всю правду и его подлинные мысли...

Лёвенштерн мог бы остаться совершенно неизвестным на Западе, если бы его не упомянул в своих сочинениях Вейль — таких, как «Кавалерия армий союзников в 1812 г.» и «Кампания 1814 г.», а также знаменитый французский академик Анри Уссе — в книге «1814 год» в эпизодах капитуляции Суассона.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств Вейлю удалось найти на Западе подлинную рукопись «Мемуаров» Лёвенштерна и изучить ее. Перед ним предстала личность могучая и интересная, которую он мог сопоставить только с такими знаменитостями, как Антуан-Фортюне де Брак или Жан-Николя Корелли, — блестящими французскими кавалеристами времен Первой империи. Читая эти воспоминания, он увидел в их авторе «истинного воина, прекрасного кавалериста», который рассказывает со всей откровенностью обо всех перипетиях, обо всех взлетах и падениях своей переменчивой жизни. Вейль особо подчеркивает редкие высокие человеческие и нравственные качества старшего русского офицера, который, «бросая в прошлое спокойный взор, рассуждал о великих событиях, участником которых он был, с редким беспристрастием и шутилой философией взирал без зависти на блеск и суету тех, кому судьба благоприятствовала больше, чем ему, и кто зачастую возвысился в обход его, доволен тем, что смог до конца жизни сохранить добродушный нрав».

Вейль приводит в своей публикации «Мемуаров...» Лёвенштерна свидетельства некоторых

государственных и военных деятелей России о рукописи. Например, канцлера Коллегии иностранных дел, министра иностранных дел К.В. Нессельроде, который советовал автору не издавать записок при жизни и вместе с тем хвалил рукопись: «...В ней вы очень хорошо показываете, что для успеха военных операций как больших, так и малых, недостаточно только рук и ног, но что голова играет в этом деле главнейшую роль. Если бы вы могли заставить ценить эту неоспоримую истину там, где ее недостаточно ценят, вы бы оказали подлинную услугу нашей армии как в настоящем, так и в будущем». С рукописью «Мемуаров...» Лёвенштерн был ознакомлен и Николай I, которого заинтересовали «Мемуары...», потому что показались ему правдивыми.

Лёвенштерн писал свои «Мемуары...» для потомков. «Моим принципом всегда было отходить на второй план в присутствии моих начальников, как только я по собственной воле признавал их превосходство... Через столетие какие-нибудь архивные копатели найдут их покрытыми пылью. Несомненно то, что в их распоряжении будет правда о событиях и людях».

За несколько лет до смерти Лёвенштерн писал графу П.Д.Киселеву, министру государственных имуществ, тоже участнику Отечественной войны 1812 г.: «Я думаю, Вы правы, господин граф, полагая, что именно детали, только и придающие жизнь повествованию, местный колорит и чувство момента составляют достоинство историков... Если бы в описаниях войны 1812 г. не приводились детали, достаточно было сказать: "Бог, Александр, Народ и Кутузов спасли Империю от нашествия французов в 1812 г." Если говорить больше, то надо говорить все». Лёвенштерн рассматривал свои воспоминания «как секретные мемуары» и как исповедь и не торопился их публиковать, несмотря на заманчивые предложения со всех сторон.

Лёвенштерн дорожил почетной золотой шпагой, преподнесенной ему от имени города враждебной страны Витриле-Франсуа, которым он управлял в трудные времена спокойно, с усердием и справедливостью, невзирая на разного рода бедствия. Он гордился тем, что напрямую общался с Веллингтоном: «Когда ты служил под командованием бессмертного Суворова, Кутузова, Барклая де Толли, когда ты воевал добровольцем против Наполеона, затем против Бернадотте и закончил свою военную карьеру в Европе под командованием Веллингтона, ты можешь смело отправиться на покой и почивать на лаврах...»

«Я никому не завидую, — пишет Лёвенштерн в конце своей жизни, — и для меня счастливым является тот человек, который хорошо спит, хорошо переваривает и пока что заставляет себя терпеть».

Лёвенштерн предвидел, что его полувековой труд однажды покроется пылью в архивах и через полвека его, быть может, найдет какой-нибудь «книжный червь». Этим «книжным червем» оказался французский военный историк майор Морис Анри Вейль, который понял, что главной целью «Мемуаров» Лёвенштерна было сочинение защитительной речи, «pro domo sua» (т.е. в защиту себя и своих дел).

«Учитывая все превратности его карьеры — писал Вейль, — несправедливые гонения, чьей жертвой он стал, относительно небольшой чин, полученный с таким трудом после стольких свидетельств воинской доблести и славных подвигов, тогда как многие его товарищи, гораздо менее достойные наград, но более удачливые, чем он, достигли того же раньше, можно подумать, что он писал "Мемуары...", чтобы оправдаться, даже воздать себе честь, доказать, что ему постоянно завидовали, преследовали без причины и умышленно лишали наград, почестей и отличий, которых он столько раз был достоин». Ему завидовали потому, что он обладал в слова мысли Главнокомандующего и был посредником между монархом и военным министром. Но Лёвенштерн всегда был сильнее судьбы.

«Ничто не кажется мне великим, — писал он, — поскольку я все видел близко, и я узнал и понял, что людей делают обстоятельства. Случай важнее всего... люди должны думать, что я, чтобы навлечь на себя подобные напасти, должен был совершить что-нибудь очень серьезное». Речь идет здесь и о неприязни со стороны генерала Ермолова, который видел в нем, по видимому, ни больше ни меньше как иноземца-шпиона. Перед самым Бородинским сражением Ермолов посылает Лёвенштерна в Москву с депешей, обрекая его на опалу, которая могла окончиться ссылкой в Сибирь, если бы не вмешательство в судьбу Лёвенштерна графа Ростопчина. В конце кампании 1812 года Лёвенштерн должен был быть произведен в полковники, но ему было отказано в этом. Более того, его понизили до майора.

Кстати, «ермоловское» отношение к Лёвенштерну проявилось и в советское время: в историческом романе Олега Михайлова «Генерал Ермолов», в эпизоде Бородинского сражения, где говорится о гвардейском егерском полке полковника К.И. Бистрома, охранявшем переправу через реку Колочу, по версии автора, Барклай де Толли посылает своего адъютанта грузинского князя Чавчавадзе, а не старшего адъютанта подполковника

Лёвенштерна, как было на самом деле, с приказом егерям отступитьⁱ. В той же книге, через две страницы, автор сообщает читателям, что все адъютанты Баркляя де Толли, а их было человек пятнадцать, были убиты и ранены, кроме одного — Лёвенштерна, что опять не соответствует действительности, так как Лёвенштерн был дважды ранен в Бородинском сражении, а адъютанта с фамилией Чавчавадзе у Баркляя вообще не было.

Лёвенштерн не пропустил ни одного сражения Отечественной войны, приобрел блестящую репутацию в армии, не получив, однако, самой ничтожной награды за всю кампанию 1812г.

В чем же виноват был Лёвенштерн? Почему он не сделал блестящей и быстрой карьеры и не достиг чинов на военной стезе? Возможно, потому, что, возвратившись в Россию из ставки Наполеона, отказался от предложения Александра I вернуться на военную службу, вступить в гвардию, стать адъютантом императора. Отказался по причинам личного характера: в Европе от тяжелой болезни скончалась жена Лёвенштерна — Наталья из древнейшего дворянского рода Тизенгаузен, и он сопровождал ее гроб до С.-Петербурга с тем, чтобы похоронить затем в родовой усыпальнице в Ревеле.

...И тем не менее имя Лёвенштерна, полузабытое и малоизвестное, стало известным в Европе благодаря той роли, которую он сыграл в 1812, 1813 и 1814 гг. Оно заблистало в анналах кавалерии наряду с именами знаменитых прусских, французских и русских кавалеристов — таких, как Ф.В. фон Зейдлиц-Курцбах, Г.И. фон Цитен, А.-Ф. де Брак, Ж.-Н. Корелли, А.И. Чернышев...

В заключение М.-А. Вейль приглашает читателя «Мемуаров Лёвенштерна» разделить с ним то восхищение, которое вызывает в нем незаурядная личность, высокий и благородный характер генерала, способного осуществить как внезапную атаку на противника, так и вести деликатные и трудные переговоры, (например, с генералом Ж.-В. Моро), способного и искусного администратора и военачальника, умеющего соединять осторожность с решительностью, отвагу с бдительностью, в равной степени обладающего воинской доблестью и гражданским мужеством, умеющего быть одновременно строгим и снисходительным со своими подчиненными, которых ему удалось заставить себя любить и слушаться... Лёвенштерн мог быть справедливым и сострадательным по отношению к слабым и обездоленным так же, как и сохранять достоинство перед сильными мира сего, утаивая свое усердие после каждой неудачи, которые не обходили его стороной, — отвечая новыми воинскими подвигами на преследовавшие его несправедливости, никогда не поступая против совести, будучи врагом всяких компромиссов, интриг и рабом своего долга.

Биографическая справка о В.И. Лёвенштерне

Владимир Иванович (Вольдемар-Герман) Лёвенштерн родился в Эстландии в 1777 г. (по другим данным в 1776 г.).

В 1793 г. получил звание сержанта гв. Семеновского полка; был бессменным адъютантом главнокомандующего графа Салтыкова.

В 1794 г. переведен сержантом конной гвардии, затем был произведен в капитаны Украинского полка легкой кавалерии.

В 1812г. — в чине майора старший адъютант М.Б. Баркляя де Толли, подполковник в 1813 г., полковник в 1815 г., был прикомандирован к Ахтырскому гусарскому полку.

Комендант крепости Шарлемань в 1818-1819 гг.

В 1823 г. назначен по гражданским делам с титулом действительного статского советника.

В 1826 г. возвращен на военную службу и назначен комендантом Ревеля.

В 1828 г. — генерал-майор, командир 2-ой бригады 3-го дивизиона уланов.

В 1828 г. уволен из армии с правом ношения мундира. Автор «Мемуаров», опубликованных в Лейпциге в 1858 г. Член масонской ложи Св. Георгия Победоносца со дня ее основания в 1817г.ⁱⁱ

Скончался в Дании в 1858 г.

Примечания

ⁱ Михайлов О. Избранное: В2-хт.Т2. Генерал Ермолов. М., 1989, с. 222.

ⁱⁱ Такунина Т. Биографический справочник русских франкмасонов XVIII-XIX вв. Брюссель, 1938, с. 310. (на фр. яз.)